

ВЛАДИМИР ТОРИН

ОЛЕГ ЯКОВЛЕВ

МИСТЕР ВЕЧНЫЙ КАНУН

ГОРОД
ПОЛУНОЧИ

18+

фэнтези

МИОО

Олег Яковлев

Владимир Александрович Торин

Мистер Вечный Канун.

Город Полуночи

Серия «Red Violet. Темные миры»

Серия «Мистер Вечный Канун», книга 2

Серия «МИФ Проза»

Текст предоставлен правообладателем

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=68249143

Владимир Торин, Олег Яковлев. Мистер Вечный Канун. Город Полуночи:

Мани, Иванов и Фербер; Москва; 2022

ISBN 9785001957904

Аннотация

Вторая книга о приключениях Виктора Кэндла в особняке Крик-Холл. Атмосферная история на фоне мрачной Англии XX века. Книга современных писателей-фантастов Владимира Торина и Олега Яковлева.

Старинный особняк Крик-Холл уже переполнен гостями, ведь до Хэллоуина остался всего один день. Грядет шабаш, тучи над Уэлихолном сгущаются... Мрачные секреты и коварные замыслы ведьм ковена вот-вот будут раскрыты. Но у мистера Ива есть свои

жуткие планы на этот Канун, и никакой Виктор Кэндл не в силах им помешать.

Тик-так, тик-так, тик...

Для кого эта книга

Для читателей, которым интересно узнать, чем закончится мистическая история в мрачном Уэлихолне.

Для тех, кто хочет очутиться в туманной Англии во время Хэллоуина.

Для всех, кто обожает таинственные детективные истории и хочет погрузиться в новый фэнтезийный мир.

Для любителей городского фэнтези.

Содержание

Глава 1. Фабрика чудес	8
Конец ознакомительного фрагмента.	82

**Владимир Торин,
Олег Яковлев
Мистер Вечный Канун.
Город Полуночи**

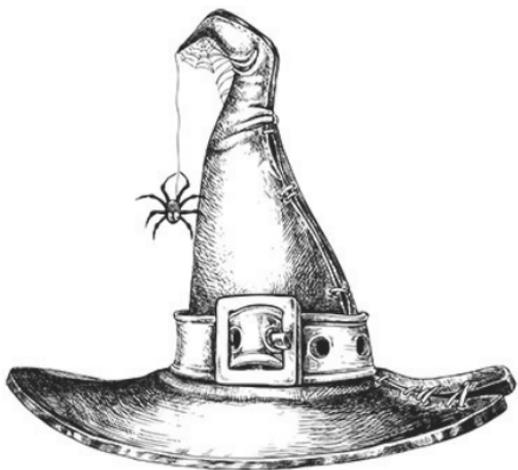
Все права защищены.

Никакая часть данной книги не может быть воспроизведена в какой бы то ни было форме без письменного разрешения владельцев авторских прав.

© Владимир Торин, Олег Яковлев, 2022

© Оформление. ООО «Манн, Иванов Фербер», 2022

* * *

...любит и ждет

Глава 1. Фабрика чудес

Томми Кэндл, насквозь промокший, усталый и злой, топал по лестнице. Его руки и ноги гудели, а спина так болела, что казалось, будто по ней прошла толпа троллей.

В доме было тихо. Время уже перевалило за полночь, ужин давно закончился, и все разошлись по своим комнатам. Не спал в Крик-Холле, казалось, один лишь Томми. Мало того что чувствовал он себя сейчас развалиной из-за всех этих тыкв, так у него еще и невероятно ныла скула, на которой алел след от дядюшкиной пощечины.

«Чертовы тыквы! – думал мальчик. – И чертов дядюшка! Это все его месть за то, что я ему угрожал, не иначе...»

И то правда: чем еще, если не мезтью, назвать то, что дядюшка отправил его в одиночку таскать из грузовичка мистера Тампина тыквы, которые старый фермер привез к празднику?

Отправляя его в сад, дядюшка сказал:

– В прошлый раз нам с Виктором и Кристиной пришлось отдуваться самим, пока ваше высочество где-то разгуливало, а значит, сейчас пришла твоя очередь нести тыквенную вахту. Справедливость восторжествовала! Я вижу, ты несказанно этому рад!

Томми ответил ему гневным сопением. То, что он пропустил прошлый раз, еще ведь не повод заставлять его таскать

эти тыквы в гараж под дождем – в самую грозу!

Особенно злило лживое заверение дядюшки, которое последовало затем:

– Я бы тебе, конечно, помог, но, понимаешь ли, уже успел переодеться в свой вечерний костюм, а его так просто не снимешь...

Более нелепую отговорку придумать было сложно – само собой, у дядюшки и в мыслях не было ему помогать, и Томми ничего не оставалось, кроме как, проклиная свою нелегкую судьбу, натянуть садовые рукавицы и взяться за дело.

Дело было трудным, мокрым и скользким. Не прошло и пяти минут под проливным дождем, как мальчик искренне возненавидел все, что связано с тыквами. И пусть старик-фермер утверждал, будто этих «пухленьких рыжих красоток» было столько же, сколько и в первой партии, а именно шесть десятков, Томми мог бы поклясться, что их в кузове грузовичка на самом деле бесконечное количество и стоит ему взять хотя бы одну тыкву и отвернуться, на ее месте тут же вырастает новая. И тем не менее в какой-то момент кузов наконец опустел, все тыквы оказались в гараже, а фермер, пригрозив, что завтра привезет еще одну партию, завел двигатель своей ржавой машины и уехал.

«Скорее вороны разучатся каркать, чем я притронусь хотя бы к еще одной тыкве!» – пообещал себе мальчик и поплелся в дом...

Хлюпая по полу мокрыми носками, Томми уже шагал к

своей спальне, когда вдруг услышал возмущенный голос, доносящийся из комнаты в дальнем конце коридора. Комната эта принадлежала дядюшке Джозефу и тетушке Мегане, и сейчас там явно творилось что-то подозрительное.

«Чего он так вопит?» – подумал мальчик и, ступая на цыпочках, двинулся к приоткрытой двери, из-за которой в коридор вытекала узкая дорожка дрожащего света. В тот миг Томми и не предполагал, что вот-вот станет свидетелем некой сцены, которая послужит подтверждением того, что Джозеф Кэндл сказал ему правду.

Подойдя к двери, Томми украдкой заглянул в щелочку и увидел, что дядюшка – вот ведь странное дело! – нелепо вытанцовывает у зеркала. Он исступленно рвал воротник рубашки, манжеты сюртука и пуговицы на жилетке, изо всех сил пытаясь снять костюм, но все его попытки были тщетны – даже кремовая роза в петлице сидела прочно, будтовшитая. При этом одежда явно причиняла дядюшке не только неудобства, но и настоящую боль. Он скалил зубы и стонал, пот ручьями тек по его багровым щекам.

Жуткие спазмы, в которых искажалось лицо дядюшки, очень испугали Томми, в то время как тетушка Мегана, которая также присутствовала в комнате, будто бы их и вовсе не замечала. Она сидела на своей половине кровати и, укрыв ноги одеялом, читала какую-то книжку. В полукруглых стеклышках ее очков для чтения прыгали и плясали отражения двух корчащихся Джозефов Кэндлов.

– Ты так и будешь продолжать суетиться? – равнодушно спросила Мегана, переворачивая страницу.

– Ты что, не видишь, глупая курица?! – по-звериному зарычал дядюшка в ответ. Казалось, он вот-вот вывернется наизнанку. – Мне же больно! Чертов костюм!

– Не нужно было проклинать мальчишку, – назидательно заметила тетюшка Мегана, не поднимая глаз от книги. – Сам виноват.

Услышав, что речь идет о нем, Томми дернулся и едва не выдал себя, задев плечом дверь, которая тут же подло скрипнула на петлях. Но дядюшка был слишком занят собственными мучениями, а тетюшка – язвительностью, и этого никто не заметил.

– Легко тебе рассуждать! Тебе ведь жилетка не сдавливает ребра, как тиски! – Дядюшка Джозеф снова попытался расстегнуть пуговицы, но пальцы то и дело с них соскальзывали. – Сидишь там со своей треклятой книжкой, поучаешь меня – и это вместо того, чтобы помочь!

– О, я не стала бы тебе помогать, даже если бы могла, – лишенным какого бы то ни было сочувствия голосом сказала Мегана. – Ты всего лишь платишь за собственную глупость...

– Мальчишке нужно было преподать урок! – взвизгнул Джозеф Кэндл, и галстук тут же с силой стянул его горло – всего на мгновение, но этого хватило, чтобы пленник собственного костюма едва не рухнул в обморок. – Эх-кхе... Ну

почему... Почему?!

– Потому что ты не удосужился просчитать последствия...

– Тебя не спросили!

– А я думала, ты спрашиваешь именно меня.

– Значит, ты ошиблась! – злобно выпучив глаза, прошипел Джозеф Кэндл. – Как и в тех случаях, когда считала себя хорошей женой или хорошей матерью.

– Ну-ну, – с улыбкой прокомментировала тетушка Мегана. – Не нужно быть таким милым, Джозеф, тебе это не к лицу. А вот багрянец – весьма. Желая тебе покорчиться как следует.

– Ну же, прошу тебя, дорогая... – взмолился дядюшка, решив, видимо, сменить тактику и использовать свое джентльменское очарование. Впрочем, с тем выражением лица, которое у него сейчас было, он мог очаровать разве что чугунную ванну. – Ты ведь знаешь, как мне больно... Костюм уже стал на два размера меньше, он невероятно жжется. Если я сейчас же не сниму эти проклятые туфли, они съедят мои ноги!

– Мы не проклинаяем членов семьи, – безжалостно сказала тетушка Мегана.

– Но я ведь снял проклятие! – в отчаянии воскликнул Джозеф. – Почему она все еще злится?!

– Сходи к Корделии и спроси у нее лично. Она на кухне, возится у котлов...

Дядюшка будто не услышал.

– Сейчас не лучший момент, чтобы меня наказывать, – продолжил он, царапая жилетку ногтями в бессмысленной попытке ее разодрать. – Неужели она хочет, чтобы я опозорил Крик-Холл? Ей же нужна поддержка наших гостей, и вряд ли им понравится...

– Ты ведь знаешь, что утром все пройдет. Будет костюм как костюм.

– Только не снять.

– Да, не снять.

– Ааррх! – прорычал дядюшка и принялся тереть ноги – штаны изнутри будто были вымазаны крапивным раствором.

– Хватит суетиться, Джозеф. Ты мешаешь мне читать...

– За что? Почему? – провыл дядюшка. – Я не заслуживаю такого обращения!

– Ты прав. – Тетушка Мегана даже оторвалась от книги и поглядела на мужа поверх очков. – Корделия поступила с тобой слишком жестоко. Если хочешь, мы можем проклясть ее в ответ. Наколдую ей что-нибудь незначительное – просто какую-то раздражающую мелочь. Например, сделаем так, что всякий раз с боем часов у нее начнет все валиться из рук, или заставим ее спотыкаться на каждой седьмой ступеньке. Она даже не поймет, что...

– Нет. – Дядюшка Джозеф сжал зубы. – Не нужно. Уверен, она это не со зла, а просто...

– Ты даже сейчас ее защищаешь, – проворчала тетушка. – Жаль, она не оценит. Ты ведь понимаешь, что, даже изба-

вившись от Гарри, ты не получишь то, что хочешь? У тебя нет ни единого шанса...

– Замолчи, замолчи! – рывкнул дядюшка и начал изворачиваться и крутиться на месте с новой силой, пытаясь достать чешущееся место на спине. – Я ведь знаю, что ты получаешь от этого удовольствие...

– Еще бы, – не стала спорить тетушка. – Но также я просто хочу спокойно почитать.

– Ты... злобная, мерзкая мегера... Хорошая жена не стала бы так просто смотреть и...

– Не нужно продолжать, Джозеф. – Мегана опустила книгу на колени и устало поглядела на мужа. – Зачем этот спектакль? Мы ведь оба знаем, кто из нас кто, верно? Но все же... – ее взгляд вдруг стал заботливым и немного потеплел, – позволь мне один раз побыть «хорошей женой» и сказать тебе кое-что приятное.

– Что? – с робкой надеждой в голосе спросил дядюшка.

– Выглядишь ты в этом костюме по-настоящему шикарно.

Ответом ей стал яростный звериный рык, вырвавшийся из сведенного судорогой горла.

Томми вспомнил, что грань между подглядыванием и попаданием на горячем очень тонка и что главное – вовремя улизнуть. Решив, что услышал и увидел достаточно, он развернулся и зашагал в свою комнату. Дядюшка продолжал шумно страдать и не менее шумно негодовать.

«Так ему и надо. Будет знать, как меня проклинять, –

со злорадством подумал Томми. – Значит, маме все же не все равно. Значит, она меня любит...»

Он вошел в комнату и поспешно переоделся из мокрого в свою любимую пижаму. Уже забравшись в постель, Томми вдруг вспомнил кое-что, о чем говорила тетушка: «Что значит “даже избавившись от Гарри”? Неужели дядюшка и папу тоже проклял?! Или он только собирается? Что у него на уме? Что он задумал? Ясно же, что ничего хорошего...»

С этими мрачными подозрениями Томми и заснул. А на следующее утро проснулся уже с четко сформировавшейся мыслью: «Нужно предупредить папу!»

Все утро Томми пытался его отыскать, но безуспешно – папы не было даже в кабинете. Мама сказала, что он уехал на вокзал встречать очередного гостя, но мальчик ей не поверил: «Драндулет» стоял в гараже...

Томми вернулся в свою комнату и сел на кровать. Он попытался вспомнить, когда видел папу в последний раз – кажется, это было утром за два дня до начала каникул. В голове сновали очень нехорошие мысли: «Может, дядюшка Джозеф и в самом деле проклял папу, и бедный папа сейчас где-то лежит и мучается, как мучился и я?»

Хуже всего было то, что об этом даже никому не расскажешь! Мама и тетушки сразу отпадают. Виктор? Нет, он ведет себя подозрительно, и не стоит забывать о том, что он носит зеленое. Кристина?.. Да, они с ней все время спорят и ругаются, но, может, хотя бы раз она выслушает его и не

ограничиться своими насмешками, как обычно?..

Кристина папу обожала – она попросту не могла принимать участие в сговоре, если сговор, конечно, имел место. И все же в последнее время поведение сестры тоже вызывало подозрения.

Томми всегда был наблюдательным, даже слишком, поэтому от его внимания не могло укрыться то, что Кристина постоянно куда-то ездит с Виктором на «Драндулете», а еще то, что они никогда не общаются при других членах семейства и тут же обрывают разговор, если кто-то появляется рядом. Весь вчерашний вечер хлопали двери их комнат, будто в доме развелось слишком много сквозняков. А потом произошел тот несчастный случай... Дядюшка Джозеф пролил на лестнице свой сироп от кашля, и Виктор с Кристиной поскользнулись на нем. Их отнесли в их комнаты, вызвали доктора Лоувелла, а мама, когда Томми сунулся к ней с вопросами, произнесла лишь: «Сколько раз я твердила: не бегать по лестнице! Будет им урок».

Что-то подсказывало Томми, что это очередная неправда и Виктор с Кристиной не просто «упали на лестнице». Его не покидало ощущение, что старшие брат и сестра на самом деле сунули носы куда не следовало и поплатились – дядюшка очень ценил свой сироп от кашля и пролить его случайно не мог. Разве что он сделал это намеренно...

Томми жалел, что загодя не вызнал тайны Виктора и Кристины, но он успокаивал себя тем, что в последние дни у него

было множество собственных забот, начиная с проклятия и заканчивая всякими ведьмовскими делами.

К примеру, вчера он полдня потратил, выгадывая момент, чтобы подбросить тетушкам записки, как просила его Клара Кроу. В итоге он справился и даже не попался – все были слишком заняты гостями и приготовлениями к празднику. К слову, Томми все гадал: вышло ли у Клары то, что она задумала? Отыскала ли она ту вещь, которую у нее когда-то украли одна из тетушек? Он искренне переживал за Клару, ведь она была очень хорошей и помогла ему с проклятием. А еще Томми боялся, что затея могла провалиться, ведь тетушки вроде бы вели себя как обычно. Разве что Мегана почему-то плакала, спрятавшись ото всех в каморке для щеток и швабр. Когда он зашел туда в поисках папы (после того как безуспешно обыскал весь дом), она сделала вид, будто ищет какую-то щетку. Разумеется, племянник ей не поверил... К слову, до этого он никогда не видел, чтобы грозная обладательница ледяного сердца Мегана плакала. Было ли все это связано с затеей Клары или...

Размышления Томми прервали голоса, донесшиеся из-за стены. Взрослые голоса в комнате малышки Марго... Черт! Это было плохо...

Где-то за неделю до приезда гостей мама попросила Томми и Кристину проследить, чтобы никто не приближался к малышке. Мол, по дому будут бродить разные личности, у многих из которых весьма скверный характер. «Не дайте ко-

му-то обидеть девочку...» – сказала она.

Томми считал, что эти гости и так слишком много себе позволяют. Расхаживают, где им вздумается, превратили гостиную в свое логово, постоянно курят и громко смеются, даже когда никому вокруг не весело. Так они посмели втянуть в свои игры еще и Марго?! Нет уж, он не позволит!

Томми вскочил с кровати и бросился к двери. Распахнул ее...

Дверь напротив открылась в тот же момент. На пороге стояла Кристина.

– Ты тоже слышал? – спросила она негромко.

– Да, – шепотом ответил Томми.

– Что будем делать?

Томми был польщен: она никогда не спрашивала его, что делать. Он ведь «глупая малявка».

– Позовем маму? – предположил Томми и тут же с досадой понял, что так могла бы сказать только настоящая «глупая малявка».

– Нет, – категорично ответила Кристина. – Никакой мамы.

– Тогда сами разберемся, – храбро ответил мальчик.

Кристина поглядела на Томми так, будто видела его в первый раз. Кажется, она не ожидала от младшего брата такой решимости.

– Ты уверен?

– Эти глупые гости слишком обнаглели, – заметил Томми.

– Ты прав.

– Идем?

И они направились по коридору.

Томми думал о предупреждении мамы: «“Скверный характер”? Как же! Ей нужно было так и сказать: “Дом набит всякими ведьмами. А многие из них любят запекать детей в пирогах...” Ну, пусть только кто-то попробует облизнуться на Марго!»

Томми с Кристиной остановились у двери комнаты младшей сестры. Переглянулись. Томми сжал кулаки, а Кристина взялась за ручку. В комнате явно происходило что-то страшное...

Кристина распахнула дверь. Страшное действительно происходило... Бедняжку и правда мучили, изверги! Томми и Кристина содрогнулись.

На Марго было желтое «платье для гостей», которое она просто ненавидела. Еще бы: такого количества рюшечек, оборок, лент и кружев не было даже у ее кукол. Девочка понимала, что выглядит в нем как нелепое пирожное на ножках... Но сейчас ее заставили надеть это платье, ведь она «просто обязана сделать приятное тетушкам».

Вокруг круглого столика, накрытого к чаепитию, действительно с удобством расположились три двоюродные тетки: Эдна, Уиллаби и Макриди. Никто не собирался пожирать малышку Марго, но ни Томми, ни Кристина не спешили вздохнуть с облегчением. Компания тетушек могла свести в могилу даже самого жизнерадостного и энергичного челове-

ка. Каждая из этих старух была жутко скучной и сама по себе, но когда они собирались вместе, их общее занудство становилось просто невыносимым.

Брат и сестра зашли в комнату. Тетушка Макриди как раз рассказывала о своих семнадцати котах и кошках.

На лице маленькой Марго было написано неприкрытое отчаяние, а во взгляде застыла тоска. Подобную безысходность можно прочесть только в глазах обреченного, которого уже почти засосала трясина.

Ее не могли развеселить даже фарфоровые куклы, принимавшие участие в чаепитии. И это притом, что за столом сидели не обычные куклы! Словно живые маленькие люди, они шевелили ручками и головами, ловко управляясь со столовыми приборами и отправляя в жутко отпадающие рты большие куски пирожного и заливая туда чай. Куклы вели себя церемонно и важничали. Вряд ли они знали, что чашки, из которых они пьют, сделаны из того же материала, что и их головы.

– Ведьмовство, – прошептал мальчик. Теперь он знал, как подобное называется.

В тот же миг одновременно три алчущих взора направились на Томми и Кристину.

– О! Милые мои! – воскликнула тетушка Эдна. – Как мы рады вас видеть!

– Вы не составите нам компанию? – добавила тетушка Уиллаби. – Мы с вами так редко общаемся...

– И это очень досадно! – завершила тетушка Макриди. – Берите стульчики и присоединяйтесь...

В глазах Марго зажглась надежда, что брат с сестрой спасут ее.

Томми, само собой, был рад тому, что никто не хотел причинить вреда сестре, ведь тетушки всегда присматривали за младшими Кэндлами, когда мама была слишком занята, а в доме толпился народ, но он понял: если они с Кристиной сейчас же поскорее отсюда не уберутся, ни его самого, ни Кристину уже не спасти. И кто знает, будет безнадежно потрачен всего лишь один час или придется провести вместе с тетушками весь праздник? Все зависело от степени их «соскучиваемости» по милым племянникам...

Это определенно была ловушка. В глазах тетушек застыл голодный блеск – они явно планировали затащить в омут своего чаепития как можно больше неосторожных путников. И у них получилось... Кристина, словно лунатик, шагнула к столику.

– Конечно, – сказала она чужим почтительным голосом. – С радостью...

– О, дорогая, – обратилась тетушка Эдна к Марго, – приготовь еще один прибор.

– Но не два ли? – уточнила тетушка Уиллаби. – Неужели молодой человек не составит нам компанию?

– О, разумеется, составит, – ответила за Томми тетушка Макриди. – Милая, два прибора, прошу тебя.

Тетушки начали суесться. Сейчас они напомнили мальчику трех мельтешащих голодных ворон, зашедших труп собаки. Двоюродные тетушки действительно слегка походили на птиц, даже их острые носы можно было принять за клювы, а что уж говорить о высоких старомодных прическах, в которые они вплели черные перья.

Кристина уже отодвигала для себя стул...

Нужно было действовать! Решительно и быстро. Обычно занудные взрослые рассчитывают на то, что никто не сможет просто развернуться и уйти, поскольку это очень грубо и непочтительно. Но Томми был мальчишкой, поэтому мог позволить себе грубость и непочтительность. Он сказал:

– Нет, нам нужно идти. Много дел, – и, схватив Кристину за руку, силой потащил ее из комнаты.

Стоило двери за ними захлопнуться, как сестра сразу же пришла в себя. Она с ужасом осознала, что едва не осталась на самое затянутое и беспросветно унылое чаепитие в своей жизни.

– Тебя что, заколдовали? – хмуро спросил Томми.

– Наверное... Какой ужас... Я едва не села пить с ними чай.

– Да, – поддержал сестру Томми – он ее прекрасно понимал, ведь до недавнего времени сам был вынужден присутствовать на подобных тянущихся бесконечно чаепитиях.

– Спасибо. Ты меня спас.

– Не за что, – смущенно ответил Томми. – У меня ведь

есть сердце...

– Как это по-взрослому прозвучало, – усмехнулась Кристина.

– Заткнись. – Томми смутился еще сильнее. – Так мама говорит: ну, про то, что у нее есть сердце...

Они направились по коридору к своим комнатам. На лице Кристины, словно она была зеркальным отражением самого Томми, алела красная отметина. Мальчик только сейчас решился спросить:

– Это из-за лестницы?

Он указал на след от удара.

– Лестницы? – удивилась Кристина и стыдливо прикоснулась к ссадине.

– Ну, вы ведь поскользнулись с Виктором вчера вечером и упали на лестнице, – пояснил Томми.

– А, вот, значит, что она сказала? – мрачно пробормотала Кристина. – Ну да, лестница... но это не из-за лестницы.

Томми все понял.

– Кто тебя ударил? – напрямую спросил он.

– Не скажу. – Кристина надулась, будто это был сам Томми. – А тебя кто?

Она ткнула в его скулу, указывая на дядюшкин «подарочек».

– Не скажу. – Брат решил ответить взаимностью.

– Ну и ладно.

– Ну и ладно.

Кристина покосилась на Томми.

– Хорошо, – произнесла она, поддавшись любопытству. – Давай скажем одновременно.

Брат кивнул, и они остановились.

– Раз, два, три... Дядюшка Джозеф.

– Гоблинский король.

– Что? – поразился Томми.

– Что? – поразилась Кристина.

– Неважно.

Мальчик с досадой поглядел на сестру, подумав, что она решила над ним подшутить. Впрочем, Томми не обиделся – на самом деле его волновало кое-что другое. Он попробовал забросить удочку:

– Слушай, завтра ведь Канун, – сказал он с деланным безразличием в голосе. – Когда мы поедем с папой в «Сову в фонаре» и за подарками?

– Мы не поедем, – ответила Кристина с такой уверенностью, которая не оставляла сомнений: дело в папе и сестра что-то знает.

– Что? – Томми опустил голову: нехорошие предчувствия и догадки окрепли. – Почему?

– Папа болеет.

– Черт! – Томми не сдержался и выдал себя с головой. Но ему было все равно – какая уж тут конспирация. – Я так и думал!

– Правда? – подозрительно спросила Кристина. – С чего

бы?

– Чертов дядюшка Джозеф... – со злостью сказал Томми. – Это он во всем виноват.

– Почему? – осторожно поинтересовалась сестра. – Почему ты так в этом уверен?

– Потому что он... – Томми покраснел. – В общем, он очень плохой...

Кристина хмыкнула.

– Рада, что ты наконец понял, хотя всем это и так было...
Постой... – Она вдруг застыла, будто прислушиваясь к чему-то. – Что это за шум?

Мальчик тоже услышал странные скрипы и треск. Раздавались они будто бы из его комнаты.

Томми с Кристиной заглянули туда. В комнате никого не оказалось.

– За окном! – догадалась Кристина.

– Только не тыквы! – взмолился Томми. – Не хочу их больше таскать!

Подойдя к окну, они распахнули створки, и ветер тут же проник в комнату. Томми и Кристина выглянули наружу.

– Вот ведь неугомонный! – проворчала сестра. – Сразу видно, что ему уже лучше!

По плющу неловко спускался Виктор. Он выбрался из окна своей комнаты и полз вниз, цепляясь за спутанные лозы. Пальто и штаны уже были все измазаны, руки его время от времени срывались, но упорства – или, быть может, упрям-

ства – брату было не занимать.

– Почему он не выйдет через двери? – удивился Томми.

– Он наказан. Мама запретила ему покидать дом.

– Что он такого сделал?

Кристина помрачнела.

– Мне нужно идти, – сказала она и, словно подхваченная порывом ветра из окна, стремительно покинула комнату Томми.

– А что, когда я стану взрослым, мама по-прежнему будет меня наказывать? – сам себя спросил мальчик.

Закрыв окно, он зевнул и сел на кровать, а после, даже не думая спать, прилег. Глаза закрылись – все же полубессонная тыквенная ночь дала о себе знать.

«Дневной сон – для малявок», – подумал Томми и тут же заснул...

Мистер Эвер Ив любил крайности. Но некоторых крайностей, в силу своей противоречивой натуры, он все же опасался. Подумать только, он едва не лишился дома! Что это было?! Пожар? Потоп? Воры? Вредители? В общем, его вышвырнули за дверь в одной ночной рубашке в обнимку со своим барахлом. Как грубо! Как... неожиданно!

Его сосед остался в квартирке, а он, великолепный Человек в зеленом, оказался за порогом, ничего не понимая и недоуменно хлопая глазами. Его уверенность и бесшабашность исчезли, развеялись, как дым. Он оказался совершенно один, никому не нужный, под проливным дождем. Образно выражаясь, естественно. Дождя не было. Зато горел огонь.

Ведьмы что-то там делали. Кто-то играл на пианино, кто-то курил... У них был праздник – танцы, возгласы, крики. А еще в пролом дул ветер. Он мешал сосредоточиться. Единственное, что мистер Эвер Ив вдруг понял, так это то, что он, не мигая, глядит на кровь, растекающуюся из-под тела, и думает, дотечет ли она до той вот занятой трещины в паркете?

Мистер Ив увидел лежащую на полу рядом с его бывшим местом обитания красотку. Она была без сознания.

Мистер Ив ощутил, как его переполняет злость. Эта девушка... веселая, беззаботная, коварная и острая на язык – она была просто чудом. Она не должна лежать вот так, нелепо раскинув руки, упершись щекой в вывороченный древесными корнями паркет. Ему стало жалко ее, а еще в нем проснулась ярость. Подлинная ярость.

Как можно догадаться, мистеру Иву весьма импонировала эта красотка. Она ему нравилась намного больше, чем тот мрачный тип, его сосед. Его соседа никогда ничего не устраивало – таким уж он был законченным занудой. Сосед во

всем искал отрицательную сторону, небо у него всегда темнело раньше, а стаканы, как один, были полупустыми, а то и вовсе прохудившимися. С таким типом не побеседовать, не выпить джина, не переброситься в картишки.

Однажды мистер Эвер Ив прочитал некое письмо и вдруг осознал, что он – это он. Будто впервые в жизни в зеркало посмотрелся. А еще он обнаружил рядом невзрачного незнакомца, с которым отныне был вынужден делить комнату.

То, что им с соседом не ужиться, он понял сразу, поэтому даже не предпринимал попыток наладить общение, не предлагал забрать почту, выбросить мусор или выгулять щенка... А потом – поезд, этот городишко и... вот он здесь, а красotka лежит на полу.

Пусть мистер Ив и злился, но все же он не мог не отметить, что состояние этой девушки ему только на руку. И подумал: «А не пора ли взять вещички и переехать? Благо собирать почти ничего не нужно. Красotka, бесспорно, лучше моего прежнего соседа, глупо кровоточащего на полу рядом».

Мистер Эвер Ив подошел и наклонился к красотке. Она едва дышала. Он положил руку ей на плечо, но тут же отдернул ее, словно обжегшись. А потом понял, что и в самом деле обжегся, будто приложил ладонь к раскаленному чайнику! Что же это такое?!

Долго гадать ему не пришлось: у красотки вокруг щиколотки была обвязана тонкая бечевка с узелками на ней. Про-

клятье! Ведьмин замок!

Внезапно оказавшийся бездомным мистер Эвер Ив тоскливо обернулся. В прежней квартире одиноко догорала свеча – его сосед уже лег спать. И что же делать?

Мистер Ив вдруг пожалел, что рядом нет Котла, – Котел сразу бы понял, как выкрутиться и изловчиться, чтобы получить наибольшую выгоду. Интересно, что бы он сделал? Дописал бы отчеты? Нет, не то...

Человек в зеленом понимал, что выбора у него особо нет и нужно вернуться, как бы это ни было неудобно.

Мистер Ив постучался обратно. Дверь была приоткрыта. Свеча догорала, а сосед уже спал. Человек в зеленом тихонько вошел и, достав из ящика стола запасную свечу, от огарка поджег ее. Комната тут же осветилась.

Мистер Ив огляделся и поежился. Окна были открыты, и он поспешил закрыть их. Кто-то что-то разлил на полу. Ничего, он не гордый. Несколько движений шваброй – и готово. Что еще? Зябко ведь! Ах да, печь и паровой котел! Печь уже погасла, нужно было поскорее разжечь ее. Что он и сделал – кипятик тут же устремился по трубам, согревая квартирку...

Само собой, мистер Ив не был инфантильным, просто он обожал образные сравнения. А если отбросить их, то все было по-настоящему мрачно. Сосед Человека в зеленом, Виктор Кэндл, почти умер. Огонек его сознания почти затух, из ран на груди и животе непрекращающимся потоком текла кровь. Сердце совершало последние удары, а потом остано-

вилось.

Мистер Ив затянул раны, раздул огонек сознания и снова запустил сердце. Нет, он не помогал соседу, поскольку относился к нему без какой-либо особой симпатии, – он помогал себе. У него просто не было выбора.

Свалившиеся внезапно хлопоты, пережитые страхи и впечатления утомили мистера Ива, и, все исправив, он позволил себе немного отдохнуть – забрался в постель, накрылся с головой одеялом и заснул.

Очнулся мистер Эвер Ив на следующий день в уже совершенно не метафоричной кровати в комнате Виктора Кэндла на втором этаже Крик-Холла. Его одежда висела тут же, на стуле. На жилетке и рубашке не было ни дыр, ни каких-либо следов крови. Что ж, ведьма-домохозяйка прекрасно знает свое дело – нужно отдать ей должное.

Едва вспомнив о ведьмах, мистер Ив снова утратил покой. Он встал, быстро оделся, открыл окно и выбрался наружу. Причиной этой спешки был короткий взгляд, брошенный на каминную полку. На отрывном календаре стояла дата: «30 октября». У него остался всего лишь один день! Нужно было срочно разобраться со всеми делами и проверить, как продвигается финальная часть плана. А еще требовалось поставить на место эту проклятую «К. К.», Клару Кроу, которая посмела играть с ним в игры.

Мистер Ив понял: то, что с ним вчера произошло, во многом случилось из-за того, что он размяк, стал добрее и лени-

вее. Вдобавок он пустил дела на самотек, доверившись ничтожным прихвостням, а врага, который наивно решил, будто ему удастся заткнуть за пояс самого мистера Ива, недооценил и оставил «на потом». Что ж, «потом» наступило...

Мистер Эвер Ив шел по затянутой в вязкий туман улице и размышлял. Метла сообщила о появлении жертв на окраинах... около дюжины. Странно: он-то полагал, их будет намного больше. Неужели и полтора десятка не набралось? Неужели никто не хочет убраться из этой дыры? Или они настолько трусливы? Странно...

Он огляделся по сторонам – особенных красот в планировке улицы или наличия каких-либо архитектурных изысков он не различил. Дыра и есть дыра. Ничего, он многое здесь поменяет. Вон на том углу появится старая аптека, а там – колокольня. Чердаки превратятся в птичьи галереи, а мосты начнут двигаться. Дома вырастут, крыши их вытянутся, на всех появятся башенки, шпили и горгульи. И витражи... Мистер Ив очень любил витражи...

Из-за спины прогудел велосипедный клаксон. Мистер Ив обернулся. Его лицо расплылось в широкой улыбке.

– Твоя затея, Ключ, привела к очень неприятным последствиям, – бросил он и продолжил путь. – Она была совершенно дурацкой.

Стюарт Биггль слез с велосипеда и торопливо нагнал мистера Ива.

– Так что же, сэр? – спросил старик. – В итоге все прошло

удачно?

– Смотря что ты называешь удачей. Для меня удачно, к примеру, то, что красотка осталась жива.

Биггль удивился:

– Но какое вам дело до той девчонки?

– Такое дело, что не твое дело! – рявкнул мистер Ив. – И зачем нужно было подбрасывать ключ? По сути, все оказалось бессмысленно: ведьма в итоге удержала своего пленника. А пленник едва не избавился от меня.

– Прискорбно это слышать, сэр...

– Ничего, сейчас я чувствую себя просто превосходно, – заметил мистер Ив и вдруг понял, что это чистая правда.

– Нет, это все моя вина, – угрюмо опустил глаза Биггль. – Если ведьма осталась при своем, то все действительно было лишено смысла. Пустой риск... Эх, знать бы заранее, я бы не стал подбрасывать ключ.

– Ну-ну, парень, – приободрил старика мистер Ив. – Все не так ужасно. По крайней мере, я кое-что узнал.

– Кое-что? – удивился Биггль.

– Кое-что, – кивнул мистер Ив. – Пленник ведьме Кэндл нужен, чтобы собрать вместе того, кто разорвал себя на части, представляешь?

– Но как?! – поразился старик. – И при чем здесь ведьма Кэндл? Мы же выяснили, что за всем стоит ведьма Кроу!

– И в самом деле, – согласился мистер Ив. – Эти ведьмы путаются у меня в голове.

– Вы хотели сказать, что у вас в голове все путается от этих ведьм? – уточнил Биггль.

– Не поправляй меня, Ключ! – одернул старика мистер Ив. – Мы не друзья! Я сказал именно то, что хотел сказать. Ведьма Кэндл – нужно отдать ей должное – сумела изловить короля Дорха-Крой. Талантливая женщина, что скажешь. Ее бы живой ум да кому-нибудь из вас... Эх... – Мистер Ив вздохнул с сожалением. – В общем, у нее есть свой карманный инструмент для того, чтобы...

– Но зачем ей это? – осмелился перебить Биггль. – Если учесть, что за всем стоит ведьма Кроу, разумеется.

– Вот это я и выясню у самой ведьмы Кроу перед тем, как оторву ей ноги и руки и выдавлю глаза. Может быть, все намного проще и они в сговоре. Кроу отлавливает вас, а Кэндл... да, Кэндл – та еще штучка. Как продвигается работа?

– Шляпе осталась последняя башня. Над зданием школы...

– Время на исходе, – напомнил мистер Ив. – Она не должна опоздать. Я хочу быть уверен, что город заперт и здесь, и даже в Стране снов.

Биггль попытался вступить за подругу:

– Шляпа не давала прежде поводов в ней сомневаться.

– Разумеется. Но я вижу, тебя беспокоит не Шляпа...

– Зеркало, сэр, – нехотя признался Биггль. – Метла приходила к нему на фабрику и хотела забрать последнюю пар-

тию, но его там не оказалось. Фонарь сказал, что видел Зеркало на мосту. Зеркало... кхм... э-э-э...

– Что такое? – нахмурился мистер Ив.

– Ну, я пытаюсь вам сказать... кхм... кхрр... э-э-э...

– Будь здоров.

– Нет, я не чихал. Это было многозначительное покашливание, сэр. В общем, Зеркало сопровождал некую даму.

– Сопровождал?

– Вел под ручку.

– Зеркало попался?

– Фонарь сказал, что... мне неловко это говорить... что Зеркало себя полностью контролировал, хоть и вился вокруг упомянутой дамы, как мотылек вокруг лампы.

– Чертов Зеркало, – проворчал мистер Эвер Ив.

– Все верно, сэр, – поддакнул Биггль. – Чертов Зеркало.

– То есть ты хочешь сказать, что Зеркало пустился в какое-то... – фу, мерзость! – *романтическое приключение*? И из-за того, что Метла не получила последнюю партию своих сторожей, город до сих пор открыт?

– Небольшая лазейка осталась, да. Но не извольте беспокоиться, сэр, там дежурит Фонарь. Он хорошо справляется – остановил уже трех беглецов.

Слова Биггля мистера Ива тем не менее отнюдь не успокоили.

Зеркало всегда был своевольным, а еще отъявленным лентяем. Несмотря на свои способности и на его, мистера Ива,

благосклонность, Зеркало все же оставался самым слабым звеном. Именно из-за него весь план мог рухнуть, и пора было поставить этого пройдоху на место – с него хватит последних шансов. Ни дерзость Зеркала, которая так мистериу Иву раньше нравилась, ни его несравненное обаяние на сей раз наглецу не помогут...

– Сэр, – напомнил о своем присутствии мистер Биггль. – У меня остались последние дела в городе, и я...

– У меня такое ощущение, что ты сейчас о чем-то попросишь, Ключ.

– Вы правы, сэр...

– Неприятное ощущение, – признался мистер Ив. – Не сама просьба, а ее предвкушение. Ну да ладно, что там у тебя?

– Мой старый долг... – осторожно напомнил мистер Биггль.

– Долг?

– Тот замок, который мне так и не удалось открыть в доме на холме... Перед тем как все закончится, вы позволите мне попытаться снова его открыть?

– Да, разумеется.

– Весьма благодарен, сэр.

– Только на этот раз, сделай одолжение, не забудь подумать заранее о последствиях, Ключ. Если ты откроешь этот замок, кое-что неприятное, запертое объединенными силами двух враждующих семей, снова окажется на свободе. Не нужно считать, будто меня не волнует твое душевное спо-

койствие, потому что, когда я говорю: «Мы – не друзья», я имею в виду, что мы кто угодно, но не друзья. Ты понимаешь?

– Не совсем, сэр. Но я близок к пониманию...

– Скажу проще. – Глаза мистера Ива гневно сверкнули. – Ты подбросил ключ, и меня едва не вышибли из моей уютной квартирки. Если ты откроешь тот замок и это как-то повредит делу, я не поленюсь – отыщу и сломаю все ключи, которые ты когда-либо делал, и все замки, которые ты когда-либо ставил.

– Не волнуйтесь, сэр, – испуганно проговорил Биггль. – На этот раз я все продумал – мне бы только... только открыть этот проклятый замок!

– Ты помнишь про сегодняшний полдень? – спросил мистер Ив и, когда старик кивнул, добавил: – Только посмей что-то напутать.

– Все пройдет просто замечательно, сэр. Не извольте беспокоиться. Вы и не заметите, как явитесь в...

– Я бы не был на твоём месте так самоуверен, Ключ. И не смей меня успокаивать. Мы...

– ...не друзья, – закончил Биггль.

– Верно, – сказал мистер Эвер Ив и, дернув рукой, отгоняя Ключа, продолжил путь в полном одиночестве. Если не считать вечно сопровождающего его соседа, разумеется. Но кто же его когда-то брал в расчет.

При свете дня найти особняк Гаррет-Кроу было нетрудно. Узкий, отдаленно похожий на башню дом выглядел так, словно не раз горел: черные стены, закопченная черепичная крыша, темнеющие, будто покрытые сажей, окна. Осыпающиеся дымоходы и галдящие вороны, сгрудившиеся на карнизах, лишь усугубляли ощущение мрачности и отвратительности этого места.

Дом стоял посреди заброшенного пустыря, все еще, будто бы в насмешку, носившего название Гаррет-Гарден. Как нетрудно догадаться, некогда здесь был разбит сад, но от него не осталось и следа: даже садовые стены – и те давно снесли. Деревья и цветы исчезли – их заменили бурьян да грязные, намытые дождями лужи, повсюду валялся старый хлам вроде чемоданов, автомобильных колес и разломанных птичьих клеток. На самом краю пустыря стоял сколоченный из досок указатель, на котором явно детской рукой было выведено:

«Ближе не подходить! Здесь живут ведьмы!»

Лукинг Гласс, кутаясь в пальто, неуверенно брел через пустырь к чернеющему вдали Гаррет-Кроу.

«Как она может жить в таком месте? – думал он. – Здесь же проще простого сойти с ума! Нужно поскорее ее отсюда

забрать и...»

Лукинг раздраженно одернул себя. И в самом деле, кем это он себя возомнил? Сердцедедом и беспечным авантюристом или, быть может, в конце концов простым человеком?! Что скажет босс, когда узнает о его похождениях? Наверное, ничего он не скажет. Просто запустит пальцы Лукингу в глазницы и разорвет его голову на куски. Глупо считать, что Сэр испытывает к нему большую привязанность, чем к собственной шляпе, пусть он и любит иногда так заявить в качестве шутки. Босс вообще большой шутник, пока речь не заходит о деле. В делах он шуток не терпит. Тем более таких шуток, что ставят исполнение этих самых дел под угрозу.

И все же Лукинг считал, что просто обязан был что-то предпринять. Ему хотелось помочь этой хрупкой и очень печальной женщине, пусть даже и в ущерб делу, в ущерб... своей жизни. Потому-то он сейчас сюда и явился вместо того, чтобы заканчивать приготовления на фабрике.

По какой-то причине мисс Мэри не пришла в кафе, и сперва Лукинг даже смирился, полагая, что, видимо, он ей просто неинтересен или что у нее куча других дел. А потом он задумался: «Может, она меня испугалась? Заподозрила что-то или... – И тут его посетила пугающая мысль: – А может, она не передумала? Может, она все же хотела прийти, но что-то случилось? Только не это!»

Он остановился и закрыл глаза. Город и его шум звучали приглушенно, словно откуда-то из вчера. Ветер колыхал бу-

рьян, черный дом скрипел и легонько покачивался, а вороны на крыше каркали как-то уж слишком самодовольно.

Лукинг открыл глаза, губы его дрогнули: в этом доме недавно кто-то умер. Сердце бешено застучало в груди. Он преодолел оставшуюся часть пустыря за какое-то мгновение и вскоре уже стоял у входа в Гаррет-Кроу.

Дверь была приоткрыта.

– Мисс Мэри?! – позвал Лукинг, заглянув в прихожую.

Ответа не последовало, и он вошел в дом.

Переступая через порог, Лукинг споткнулся и едва не растянулся на полу. Ему стало дурно – в один миг его будто охватила столетняя тоска, за которой пришла тысячетлетняя усталость. Тело стало ватным, горло словно усохло и сморщилось, превратившись в мятую тряпку, воздух отяжелел...

Лукинг понял, в чем дело, почти сразу, лишь только его взгляд упал на безобидный с виду половичок у двери. Незваный гость отшвырнул его ногой прочь. Сразу стало легче дышать, слабость пропала. Должно быть, в коврик был вшит оберег от темных сил.

Вытерев проступивший на лбу пот, Лукинг огляделся. Повсюду в прихожей были старые вещи, которыми, кажется, много лет никто не пользовался, – они висели на вешалке, громоздились на большом гардеробе, кучей лежали у двери. На обувных полках пыльными рядами застыли старые туфли. Зеркала небольшого настенного трюмо покрылись темно-зеленой патиной и ничего не отражали – их легко

можно было принять за часть стены.

Лукинг опустил взгляд и вздрогнул. По полу к лестнице тянулась дорожка грязи и... крови.

Откуда-то сверху вдруг донесся тихий плач. Так мог бы рыдать ребенок, уже отчаявшийся, что его услышат.

Это она?! Жива? Если жива, то что с ней?

Вопросы стучали в висках вместе с ударами сердца, когда Лукинг торопливо поднимался по крутым ступеням, стараясь не хвататься за окровавленные перила и перешагивая через сорванные со стен картины и фотографии в рамках. Что здесь произошло? Кого-то убили? Только не ее, только бы не ее...

Кроваво-грязевой след привел Лукинга на второй этаж – он тянулся к пустому дверному проему и лежащей на полу сорванной с петель двери.

Лукинг со страхом заглянул в комнату. Встретил его погром: перевернутый столик; в ткани, которой была обита стена вокруг камина, – прожженные дыры; пол засыпан углем и покрыт ковром вороньих перьев; вместо окна – пролом, в который дует ветер.

Еще здесь была кровать с разорванным и висящим клоунами пологом. На кровати лежало мертвое тело, накрытое окровавленным пледом.

«Она не могла умереть, не могла!» – в отчаянии подумал Лукинг.

На негнущихся ногах он подошел к кровати и сорвал плед.

Открывшееся зрелище одновременно утешило Лукинга и вызвало у него отвращение: старушечье тело напоминало одну сплошную рваную рану...

Вернув плед на место, Лукинг шагнул было к окну, и тут что-то хрустнуло у него под ногой. Нагнувшись, он разгреб вороньи перья и обнаружил под ними фотографию в разломанной рамочке. С фотографии на него смотрели две женщины, одной из которых была мисс Мэри – красивая, смеющаяся, совершенно на себя не похожая... Все те черты, что успели зажечь его сердце, на этой карточке были многократно приумножены и подчеркнуты...

Плач вдруг зазвучал снова. Он раздавался где-то над головой.

– Мисс Мэри? Клара?

Выбежав из комнаты, Лукинг бросился вверх по лестнице. Третий этаж... Выше... Четвертый...

В потолке крошечной комнатушки темнел квадратный проем люка, к которому вела деревянная лесенка. Плач доносился оттуда...

Поднявшись по скрипучим ступенькам, Лукинг выбрался из проема и оказался на чердаке. У открытого окна на полу лежало что-то, похожее на грудку грязной черной одежды. «Одежда» шевелилась и каркала.

Лукинг сделал неуверенный шаг, и в воздух, шелестя крыльями, поднялась стая ворон. Черные птицы, испуганные появлением незнакомца, взмыли под крышу и расселись на

балках, гневно уставившись на него.

На полу, там, где только что сидели вороны, корчилась женщина. Голова ее неестественно откинулась набок, как будто шея сломалась, локти торчали вверх. Платье женщины было порвано, тут и там на месте вырванных из головы клоchieв волос багровели кровавые проплешины.

Женщина плакала и царапала обломанными ногтями дощатый пол. Она выглядела так, словно попала в автомобильную катастрофу. И все же это была она – живая!

– Мисс Мэри!

Лукинг поспешно приблизился и, опустившись перед ней на колени, осторожно коснулся ее плеча.

– Вы... – прохрипела женщина, глянув на него из-под черных опухших век. – Уходите. Прошу вас.

– Кто это сделал?! – Лукинг аккуратно приподнял ее голову. У него сжались зубы от негодования. – Кто это сделал с вами?!

– Никто, – прохрипела она. – Я сама это сделала. Только я. Моя дочь... Они забрали и убили ее. Мне больше незачем жить, больше незачем...

– Ваша дочь?

– Я вспомнила ее. Узнала, что они с ней сделали. Ее больше нет. Совсем нет...

То, что говорила мисс Мэри, напоминало горячечный бред. Ее пустой взгляд блуждал по сторонам.

– Посмотрите на меня, – твердо сказал Лукинг, пытаюсь

вырвать ее из омута сумасшествия.

– Пришли и меня убить? – Она истерически рассмеялась, выплевывая на подбородок капельки крови. – Как убили тех, кто издевался надо мной? Я проходила по мосту потом и все видела... Там была полиция – они нашли три изувеченных тела... Это справедливо? Заплатить жизнью за пару минут насмешек... Вот и я заплачу. Мне не жалко...

– Моя сила не только в том, чтобы забирать, – сказал Лукинг. – Я могу и возвращать. У Зеркал есть память... Смотрите мне в глаза. Смотрите!

Она послушалась. И тут же дернулась от неожиданности – глаза Лукинга теперь представляли собой полированное зеркальное стекло. Не успела Клара испугаться, как в этих зеркальных глазах увидела себя саму. Но вовсе не Ворону, затюканную городскую сумасшедшую, которой она была все эти годы, и не мисс Мэри, напускной и ложный образ, за который она цеплялась, пытаясь сбежать от беспросветности и отчаяния. Она увидела гордую и уверенную в себе, в чем-то даже властную мадам Клару Кроу, главу большой семьи, чуткую к своим и грозную к врагам. Она увидела ту, которой могла бы стать, сложись ее жизнь иначе. Увидела рядом мать, живую и сохранившую остатки былой величественности – София Кроу в конце концов смирилась с тем, что умница дочь во всем превзошла ее. С некоторых пор мама даже гордилась этим. Еще Клара увидела любящего мужа. Увидела дочь, ту самую, их первую, которая давно выросла, стала красавицей

и считала мать лучшей подругой. Увидела других своих детей, которые еще учились в школе, всего их было трое или четверо – она не успела рассмотреть...

Наваждение было настолько близким и реалистичным, что казалось, стоит ей только протянуть руку – и эта красивая ненастоящая жизнь станет *ее* жизнью. В то время как ужасное настоящее развеется, словно дурной и опостылевший сон.

– Нет, я не могу дать вам их, и никто не может, – печально прошептал Лукинг. – Простите. Здесь лишь вы – настоящая. Но вы можете забрать себя. Если хотите. Вы хотите?

– Хочу...

Клара моргнула и...

Что произошло?

Боль куда-то ушла. Вместе с болью пропало и желание умереть.

Лукинг помог ей подняться.

Клара посмотрела на свои руки – они были чистыми и целыми, без единой царапины. Она их не узнавала: гладкие, нежные и розоватые – такие, какие были у нее молодой, лет двадцать назад. Ее тело будто обрело давно забытую силу, в нем не осталось никакой усталости. Лишь неумное желание – жить! А еще она чувствовала, как кипит ее кровь. Ей вдруг невероятно захотелось превратить всех этих сидящих на балках ворон в цветы, а затем распревратить их обратно. Она поняла, что с легкостью сумеет это сделать.

Что же произошло?

Клара ничего не понимала. Это ощущение... Будто и не было последних часов, которые ей довелось пережить. Будто не было последних двадцати трех лет сломанной жизни. Клара чувствовала себя так, словно у нее все еще впереди, словно она только что приехала домой из университета на каникулы.

– Лукинг, кажется, я схожу с ума.

Даже голос ее изменился. Он утратил хрипотцу, стал звонким и чистым. Она посмотрела в его глаза. Самые обычные, карие, глаза.

– Кажется, я заснула и... и увидела сон. Страшный сон! Моя мама... Мне приснилось, что это она отняла мою... потерянную вещь. Которая на самом деле оказалась моей дочерью и которая мне больше не дочь, потому что Кэндлы разорвали наши с ней кровные узы. Мне кажется, что я... убила маму.

– Все хорошо, – сказал Лукинг. – Вы просто потерялись, а я нашел вас...

Он нежно и осторожно обнял ее, и она обняла его в ответ.

Над головой каркнула ворона. Лукинг отпустил Клару и всунул ей в руку фотографию.

– Это вы... посмотрите...

Если бы Клара смогла сейчас увидеть себя со стороны или в зеркале, то лишь уверилась бы в собственном безумии: ее лицо стало другим – оно словно сошло с этой старой выцвет-

шей фотокарточки.

– Что бы ни случилось прежде, теперь все хорошо, – сказал Лукинг. – Мы сейчас спустимся вниз. Не оглядывайтесь по сторонам. Я потом все вам расскажу – когда мы уйдем отсюда.

– Хорошо...

Они покинули чердак и спустились на первый этаж, благополучно оставив позади ужасный разгром в комнате Софии Кроу и лежащее на кровати мертвое тело. Лукинг позаботился о том, чтобы Клара не смотрела в ту сторону. Вот-вот все закончится... Скоро они покинут это место... Можно будет просто оставить этот кошмар за спиной...

Они уже были в прихожей и направлялись к выходу, когда дверь перед ними вдруг с грохотом распахнулась.

На пороге стоял мистер Эвер Ив.

Глаз его не было видно из-за низко надвинутой зеленой шляпы. Зато была видна мерзкая, не сулящая никому ничего хорошего улыбка...

...Мистер Эвер Ив не считал себя плохим человеком. Он полагал, что является более высокоорганизованным существом, пребывающим выше всех этих примитивных людских понятий о добре и зле. Для него гораздо важнее были тонкость иронии, мастерство шутки и эпатаж, чем какое-то там дешевое злодейство или бессмысленный садизм. Но иногда он все же делал из своего правила исключения.

– Лукинг! Как неожиданно и... как ожидаемо! – Губы мистера Ива еще сильнее расплзлись в стороны.

– Кто... это? – тихо спросила Клара.

Несмотря на вернувшуюся к ней силу, она не могла определить, кто перед ней стоит. Колдовской взгляд просто отскакивал от фигуры незнакомца, не в силах распознать его подлинную суть, при этом Клара ясно ощущала исходящую от него опасность. Нет, это определенно был не человек. Скорее перед ней стояла... Вещь. Вещь или даже Явление. Кларе вдруг вспомнилась история о Человеке в зеленом, которую она не так давно сама рассказывала своему классу. Очень некстати вспомнилась.

– Позвольте представиться, мадам! – воскликнул незнакомец. – Мистер Эвер Ив, к вашим услугам.

– Не сказал бы, что рад вас видеть, босс. – Лукинг закрыл собой до смерти перепуганную Клару, встав между ней и мистером Ивом. – Отпустите нас. Я прошу вас.

– Да? – делано удивился Человек в зеленом. – Неужели ты решил, что вправе указывать, как мне следует поступать? Возможно, один палец на моей руке вдруг возомнил себя свободным от остального тела? Мне что, предлагается взять нож и отрезать его?

– Я вас не боюсь, – заявил Лукинг.

На самом деле он очень боялся.

И мистер Ив это прекрасно знал. Он рассмеялся:

– Не желаешь малодушничать перед дамой, Зеркало? –

метким выпадом поддел он своего протеже. – Но, как мне кажется, ты все же смалодушничал и побоялся признаться этой ведьмочке в своих... хм... как это может там у тебя называться? Ощущениях?

– Чувствах, – вызывающе уточнил Лукинг. – Это не ваше дело, сэр, и... – Он поглядел на Клару. – Простите. – После чего снова повернулся к боссу. – Вам не выжечь во мне это.

Клара, казалось, перестала дышать. В голове у нее все смешалось, словно кто-то взял ложку и как следует перемешал ею мысли.

– Вот, значит, как вас ловят, – пробормотал мистер Ив. – Ты понимаешь, Зеркало, что просто попался, как глупый лисенок в капкан? Кстати, не ты один. Котел и Метла тоже. Эта ведьма всех вас использовала. Но от тебя я все же ожидал... хм... большего.

– Меня никто не ловил! – воскликнул Лукинг. – Она здесь вообще ни при чем! Все это только наши с вами дела, не впутывайте ее!

– Поздно, мальчик мой. Мы все впутаны...

Человек в зеленом переступил порог. В зеркалах трюмо, в которых прежде ничего не отражалось, вдруг отразился улыбающийся мистер Эвер Ив. А еще в них отразился сам Лукинг, пристально следящий за каждым движением своего босса.

– Вот Котел, – продолжал мистер Ив, – тот сразу понял, что его обманули, потому что он сам – бесчестная скотина,

жадная и занудная, не способная оценить ни шутки, ни двойного подтекста. Но твой подход всегда был мне ближе, поэтому даже жаль будет тебя...

В этот момент отражение Лукинга Гласса в зеркале вскинуло руки и схватило отражение мистера Ива за горло. Реальный Лукинг при этом все так же стоял, закрывая собой Клару, а реальный мистер Эвер Ив судорожно дернулся, почувствовав на шее невидимые пальцы своего взбунтовавшегося помощника.

И все же быть задушенным в его планы сегодня явно не входило – у него было еще много дел.

Человек в зеленом подмигнул Лукингу и исчез, в тот же миг перестав отражаться в зеркале. А уже в следующее мгновение в трюмо ударил появившийся прямо из воздуха тяжелый подсвечник. Зеркало треснуло и мелким крошевом посыпалось из рамы.

– Бежим! Мисс Мэри, скорее!

Лукинг схватил Клару за руку и потянул ее к выходу. Но не успели они переступить порог, как дверь захлопнулась перед ними.

Беглецы затравленно повернулись. Лукинг вскрикнул и опустил взгляд – в его плече торчал острый зеркальный осколок. Спустя какой-то миг еще один, просвистев, вошел чуть ниже, в грудь. Два или три новых осколка вонзились в живот. Лукинг едва успел закрыть руками лицо и закричал от боли: в окровавленные ладони впились зеленоватые стекла.

– Сэр, что вы делаете? – выдавил он, сжав зубы. – Зачем?!

– Обожаю бить зеркала! – донеслось откуда-то со стороны лестницы. – Зачем делаю? Мне просто кажется это забавным. Разве мне нужны другие причины?

Человек в зеленом вновь обрел прежний, вещественный, облик. Он угрожающе шагнул к Лукингу и прячущейся за его спиной Кларе, демонстративно хрустя пальцами. Мистер Ив больше не собирался шутить.

– Конечно нужны! – воскликнул Лукинг. Морщась от боли, он принялся вытаскивать осколки из обезображенных ладоней. – Если вы убьете меня, ваше дело не будет закончено...

– Тогда, будь добр, просто отойди в сторону, чтобы я мог свернуть ей шею, – сказал мистер Ив. Их разделял лишь шаг.

– Я вам не позволю, – упрямо ответил Лукинг.

– Не позволишь? Вот как? Даже если ценой этому будет дело? – Человек в зеленом скривился. – Проклятье! Ну почему только я всегда помню о важных вещах, в то время как вы, никчемности и ничтожества, мало того что работаете из рук вон плохо, так еще и смеете мешать моим планам?! Ты разочаровал меня, Зеркало...

Лукинг хотел что-то ответить, но мистер Ив, казалось, устал от разговоров. Не снимая с губ улыбки, он ударил своего помощника появившимся вдруг в его руке подсвечником. Удар пришелся в нижнюю челюсть Лукинга Гласса, отбросив того назад, в объятия охнувшей Клары.

Вся нижняя часть лица Лукинга пошла трещинами, как то самое зеркало, разве что осколки пока не падали, скрепленные остатками окровавленной кожи.

Человек в зеленом занес подсвечник для нового удара.

– Не тронь его! – закричала Клара, будто вспомнив, что больше она не Ворона, которая способна лишь жалобно плакать и забиваться в темные углы в надежде, что ее не отыщут.

Она вскинула руку и резко ткнула ею в сторону Человека в зеленом. В никак не ожидавшего подобного мистера Ива со всех сторон полетели старые вещи: шляпы, пальто, ботинки. От части из них он сумел отмахнуться, но другие все же его достали. Кофты и шарфы обматывали руки мистера Ива, башмаки, подпрыгивая, пинали его по ногам, разъяренным зверем бросилась на него спрыгнувшая с вешалки огромная и тяжелая, похожая на медведя шуба.

Через какое-то мгновение мистер Ив оказался погребен под грудой всей той одежды, что годами пылилась и поедалась молью в прихожей Гаррет-Кроу.

– Бежим! – закричал Лукинг. – Надолго его это не задержит!

Снова схватив Клару за руку, он повернулся и толкнул дверь. Та распахнулась и со всего размаха ударила по лбу стоявшего прямо за ней человека. От столкновения с дверью лоб этого бедолаги зазвенел, словно чугунный, а шляпа слетела с головы и упала на землю.

– Котел?! – воскликнул Лукинг, мгновенно узнав стояв-

шего за порогом человека.

И тут он понял, что пропал окончательно: босс пришел не один. Вероятно, где-то рядом притаились и остальные: Ключ, Метла и Шляпа. Возможно, и Фонарь, этот безумный психопат, которому так нравится откручивать людям головы. Уйти ему не позволят. Сам он еще, может быть, смог бы сбежать, но с мисс Мэри – точно нет.

– Зеркало? – Глаза Котла удивленно округлились.

Мистер Боул Колдрон, эсквайр, пребывал в некоторой растерянности – и явно не из-за удара по голове и появившейся на лбу вмятины. Только что все его мысли были лишь о работе. Как старательный управляющий делами он явился по указанному в завещании адресу, чтобы лично привести в исполнение это самое завещание (дабы не вызывать лишних подозрений у тех, кто его «поймал»), но при этом определенно не ожидал обнаружить в Гаррет-Кроу старого знакомого, да еще в таком виде: на Зеркале в прямом смысле лица не было – оно наполовину превратилось в битую стеклянную маску.

– Мисс Мэри, простите, что подвел вас.

Лукинг сжал руку Клары. Та крепко сжала ее в ответ, приготовившись к худшему. Разумеется, она сразу же узнала банковского клерка, который приходил к ним с матерью несколько дней назад

– Кто там еще пожаловал? – раздался раздраженный голос сзади. Мистер Эвер Ив уже выбрался из-под одежного завала

и вновь нацепил на губы угрожающую улыбку.

– Сэр? И вы здесь? – удивился мистер Колдрон, но тут же спохватился и уточнил: – В смысле как удачно, что вы здесь!

– Да неужели? – прищурился Человек в зеленом.

– Честное слово, я ведь собирался вам все рассказать сразу, но возникли дела да еще подготовка отчета, вы же мне сами говорили...

Котел все больше запинался и краснел под испепеляющим взглядом мистера Ива, который уже раскрыл было рот, чтобы прервать этот поток «красноречия». На свое (и не только свое) счастье, мистер Колдрон успел вставить еще одну короткую фразу:

– Поступили новые инструкции.

– От нее? – уточнил мистер Ив, ткнув пальцем в Клару.

– Что? Нет. – Котел покачал головой. – Инструкции поступили от Кэндлов. «К. К.» – это не Клара Кроу, это Корделия Кэндл.

Мистер Эвер Ив любил удивляться, но сейчас был явно не тот случай. И все же он мгновенно сменил гнев на милость с той же легкостью, с какой заправский фокусник меняет цвет носового платка.

– Что ж, должен признать, это в корне меняет дело, – сказал он, приводя костюм в порядок: возвращая на место оторванные пуговицы, отряхивая пальто от пыли, при этом пытаясь отыскать среди груды разнообразных шляп на полу прихожей собственную.

Клара ничего не понимала – только что это существо, прикидывающееся человеком, хотело их убить, и вдруг оно как ни в чем не бывало смотрится в наполовину разбитое трюмо и поправляет одежду. Ведьма пряталась за покосившейся дверь, со страхом глядя на этих жутких личностей, посетивших ее дом.

Мистер Колдрон подобрал и напялил на голову свою шляпу, но вмятину на лбу под головным убором было не скрыть. Мистер Эвер Ив, почему-то заявившийся к Кларе с намерением ее убить, по-прежнему вертелся у трюмо и неудовлетворенно цокал языком, отмечая какие-то погрешности в собственном внешнем виде. Мистер Гласс... Лукинг... с разбитым стеклянным лицом выжидающе глядел на Человека в зеленом. Он до сих пор держал ее за руку...

– Ну и подняли же мы тут с тобой пыли, Зеркало, – с довольным видом заметил мистер Ив. – Эх, давно так не развлекался. Но дела... да, дела ждать не будут. Приводи в порядок лицо, возвращайся на фабрику и готовь к отгрузке последнюю партию сторожей для Метлы. Я пришлю к тебе Фонаря, он должен привезти кое-что особенное. И пошевеливайся – мы должны успеть к Кануну.

– Но что будет с ней? – спросил Лукинг.

– С твоей ведьмой? – усмехнулся Человек в зеленом. – С ней будет то же, что случается со всеми жертвами безысходности. Однажды ты ее разлюбишь или умрешь, и она останется одна лить по тебе слезы. Больше так называемая лю-

бовь, это мокрое чувство, ни на что не годится.

– Я имел в виду *сейчас*, – уточнил Лукинг. Как он мог просто уйти, пока Сэр не пообещает не трогать мисс Мэри? А еще он понимал, что попросту не смог бы взять ее с собой на фабрику – она не должна увидеть то, чем он занимается...

– «Сейчас»? Да все что угодно. Мне на нее наплевать, знаешь ли. – Мистер Ив для убедительности плюнул на пол. – Она ведь к нашим делам, как выяснилось, не имеет никакого отношения. Не думаешь же ты, что я буду извиняться перед всеми, кто стал жертвой, между прочим, никак не связанных со мной недоразумений? А уж тем более перед теми, кто даже не успел стать *никакой* жертвой...

Лукинг Гласс поверил. Он слишком хорошо знал босса, чтобы понять: тот уже вычеркнул едва не убитую по ошибке ведьму из списка того, на что ему не жаль тратить свое внимание. Вот только Лукинг опасался, что ему лично эту их потасовку Сэр не простит и при случае обязательно припомнит.

– Сэр, я бы еще хотел уточнить...

Мистер Ив издал протяжный стон, преисполненный вселенского утомления.

– Как можно быть таким дотошным, Зеркало, ну ты ведь не Котел, в самом деле?! – проворчал Человек в зеленом. – Иди уже. Тебе нечего опасаться. Эта славная драка хоть немного развеяла скуку. Я не обижен.

– Благодарю вас, сэр!

– Но запомни, Зеркало, – хмуро добавил мистер Эвер Ив. – Мы не друзья.

– Я знаю: мы больше чем «не друзья», – сказал Лукинг и повернулся к Кларе. – Мисс Мэри, прошу вас, не бойтесь: вам не причинят вреда.

– Не уходи, – прошептала Клара, не желая отпускать его руку. И дело было не только в страхе.

– Мэм, больше всего я хотел бы остаться с вами, но сейчас действительно вынужден уйти, – сказал он. – Я закончу дела и найду вас. Обещаю.

Он в последний раз сжал ее руку и тут же выпустил, после чего, выйдя за дверь, быстро зашагал через пустырь прочь.

Клара осталась наедине с мистером Ивом и мистером Колдроном. Ей до сих пор было страшно. Несмотря на уверения Лукинга, несмотря на равнодушие к ней Человека в зеленом, ей показалось, что они вот-вот набросятся на нее и сожрут... или еще что похуже. И теперь она осталась совершенно одна, лишенная единственного защитника...

– Сэр? – После того как Лукинг ушел, мистер Колдрон еще некоторое время растерянно стоял, перетаптываясь у порога. – Можно задать вам вопрос касательно дела?

– Я слушаю.

Толстяк многозначительно округлил глаза, кивнув на Клару, но босс так ничего и не понял: он никогда не любил намеки. Тогда Котел был вынужден озвучить то, что имел в виду:

– Я только хотел кое-что уточнить. Небольшую деталь.

Кэндлы велели мне привести в исполнении завещание покойной, которая жила в этом доме. В то время как вы и Зеркало... Сэр, мне продолжать исполнять инструкции Кэндлов?

– Разумеется, – кивнул мистер Ив, вновь надвигая на глаза зеленую шляпу. – Действуй в точности как условились. Раньше времени нельзя выдать, что мы знаем об их делишках. И не забудь про свои глупые отчеты.

Человек в зеленом повернулся к Кларе и сказал:

– Прошу прощения за беспорядок, мадам! – после чего окинул ее подозрительным взглядом: учитывая, что Зеркало был ему очень близок, он задумался о его чувствах к этой женщине и с негодованием ощутил, что понимает его и вынужден с этим смириться. Пока что... – Хорошего дня, мадам!

Мистер Эвер Ив одним впечатляющим прыжком перемахнул через порог и покинул Гаррет-Кроу. В прихожей остались лишь толстяк и пока еще хозяйка особняка.

– Прошу простить мне то, что не представился сразу, мэм. – Едва Сэр избавил их от своего присутствия, мистер Котел сразу же успокоился и перестал пыхтеть. – Моя фамилия Колдрон, я приходил к вам на днях. Сейчас я прибыл в Гаррет-Кроу для соблюдения некоторых формальностей, в частности чтобы официально засвидетельствовать смерть Софии Кроу. Кем вы приходитеесь покойной? Племянницей? Внучкой?

– Дочерью, – голос Клары сорвался. Она тут же поняла, что ее «сон» вовсе не был сном, – на глазах проступили слезы.

– Несущественно.

Мистер Колдрон не желал тратить на процедуру много времени. Как справедливо заметил Сэр, у него еще не был готов отчет.

– У меня на руках завещание покойной. Земля, дом и все находящееся в нем имущество переходят...

Он быстро заглянул в бумаги, чтобы правильно назвать имя, хоть и прекрасно его помнил:

– Переходят к мисс Рэмморе Кэндл, вашей, полагаю... кухне? У вас есть десять минут, чтобы собрать личные вещи и покинуть чужое владение. Подписи ставить не требуется.

– Тук.

Томми проснулся и открыл глаза.

Одинокий солнечный луч осторожно заглянул в окно, будто пытаясь что-то выведать, и запрыгал по стене зайчиком.

Томми проследил за ним взглядом. Зайчик тут же исчез, словно умер, придушенный внезапно затянувшими небо ту-

чами, и в голову поползли непрощенные мысли, от которых мальчику стало неуютно и сыро, будто он вместе с кроватью мгновенно перенесся из теплой комнаты на улицу. Человек в зеленом, черный дом ведьмы, тайна мисс Мэри, ссора с дя-дюшкой Джозефом, проклятие, болезнь и исчезновение отца... сколько всего произошло за эти коротенькие каникулы!

И тут вдруг Томми сделал то, чего меньше всего сейчас от себя ожидал. Он улыбнулся. Несмотря на все хмурые мысли, несмотря на напасти, он улыбнулся. И мгновенно почувствовал себя лучше. Да, случилось много всего – навалилось множество мерзких бед. Но ведь сейчас каникулы! А в каникулы обычные невзгоды – это и не невзгоды вовсе, а злоключения. В то время как злоключения – это просто не слишком веселые приключения. Ну а приключения всегда остаются приключениями. А еще не стоит забывать, что скоро праздник! Мальчик пообещал себе: «Я не позволю испортить мне праздник ни одной чертовой ведьме!»

Томми лежал, и его беды уже не казались ему такими ужасными. Они стали напоминать что-то столь же «кошмарное» и «необратимое», как невыученные уроки или промокшие ноги.

– Тук... тук.

Что-то твердое ударилось о стекло и отскочило на карниз. Солнечный луч здесь явно был ни при чем. Томми мгновенно оказался на ногах и бросился к окну.

В этот самый момент с еще одним «Тук!» в стекло уда-

рил очередной камешек – не больше сливовой косточки. Выглянув в окно, Томми увидел одинокую фигуру, стоящую на другой стороне улицы. Чарли! Ну конечно, кто еще стал бы привлекать его внимание подобным образом! Вот ведь ловкач – и где он только научился так кидать камешки: через улицу и сад, да еще и с такой точностью? Попал уже раза три, не меньше!

Томми приветственно махнул другу рукой. Тот помахал в ответ и принялся нетерпеливо показывать жестами: мол, выходи, есть разговор. Томми кивнул и начал поспешно одеваться. В последний раз они с Чарли виделись перед каникулами, а это было целых шесть дней назад – сколько всего успело случиться за это время!

Натягивая штанину, Томми с досадой и злостью на себя вдруг вспомнил о том, что совершенно забыл об их с Чарли деле – заботе о черных котах. Как они там, в погребе? Неужели голодали все это время?

Быстро спустившись по лестнице, Томми первым делом бросил взгляд на часы – половина второго. Стало быть, и завтрак, и обед он пропустил. И все же на кухню определенно стоило заглянуть – прихватить еды для их с Чарли питомцев. Что он и сделал, стараясь не поднимать лишнего шума.

К счастью, мамы на кухне не оказалось. Из членов семьи здесь присутствовал лишь Коннелли, который с важным видом сидел на холодильнике и сторожил съестные припасы. Впрочем, охранник из него был неважный, с завязанными-то

глазами.

– Миау, – предостерегающе заявил явно почуявший неладное кот.

– Я только чуть-чуть возьму, Конни, – заверил Томми и, открыв дверцу, вытащил с нижней полки несколько свиных котлеток. – Никто даже не заметит.

Кот решил показать свой склочный характер и пронзительно замыкал.

Томми понял, что взяткой в виде котлетки не откупиться и пора делать ноги, иначе скоро здесь окажется мама или кто-то из тетюшек. И тогда ему не видать улицы еще как минимум час – пока не поест. При этом еще придется объяснить кражу котлет из холодильника. А ведь могут и вовсе в комнате запереть!

Чуть только эта мысль посетила Томми, как он торопливо завернул котлеты в будто специально для него оставленный на столе лист коричневой оберточной бумаги, после чего рванул в прихожую, накинул пальто и шарф, натянул ботинки и был таков.

На одном дыхании преодолев дорожку от входной двери дома до калитки, Томми с удивлением обнаружил, что Чарли его не дождался. Друг медленно брел вверх по улице и был уже шагах в сорока.

Томми выскользнул за калитку и ринулся догонять.

– Эй! Стой, куда без меня собрался?! – крикнул он ему вслед.

Чарли остановился. Особой радости от встречи друга мальчик явно не испытывал.

– А... Я уже думал, ты не выйдешь, – протянул Чарли, когда Томми его догнал. – И мне снова придется кормить наших котов одной тыквенной кашей.

Чарли выглядел обиженным – еще бы, друг забросил их общее дело, несколько дней носу из дома не показывал. И это не в обычные дни, а в каникулы!

– Вот! – Томми продемонстрировал Чарли сверток с котлетками и тут же понял, что сам голоднее некуда. Но признаваться в том, что он остался без завтрака и обеда, и приняться за еду для котов сейчас было не лучшей идеей. – Это все для них!

– Ладно. – Чарли примирительно кивнул. – Еще выпросим у молочника молока, вот и получится у них целый пир. Но это еще не все! – задиристо воскликнул он – от обиды, казалось, не осталось и следа. – Я тут видел еще одного! На Гринсфилд-стрит. Черный, как сажа, а глаза – ну прям блюдца с шоколадным печеньем!

Томми обрадовался. Еще один черный кот? В нем снова проснулся охотничий азарт, о котором он совсем забыл с начала каникул.

– Когда ты его видел? – деловито осведомился Томми.

– Полчаса назад.

– И не поймал сам? – поразился Томми.

– За тобой решил зайти. – Чарли ткнул приятеля в пле-

чо. – Вдруг да ваше величество изволит составить компанию!

– Может, его уже там давно нет! – сокрушенно воскликнул Томми. – Где искать? Упустили кота! Эх...

– Не будь дураком. Ты что, не расслышал, где я его видел? – Чарли многозначительно округлил глаза.

– «На Гринсфилд-стрит», я все слышал, но... – начал было Томми непонимающе, но тут до него дошло. Старуха Роуз! Она ведь подкармливает всех уличных котов в районе, и живет она в сером доме на Гринсфилд-стрит. Окна с зелеными занавесками – это ее окна. Обычно у порога старухи Роуз собираются десятки котов и кошек со всей округи, поэтому Гринсфилд-стрит местные между собой называют Мяу-стрит. Стало быть, их добыча ошивается там не просто так. Кот ждет, когда старуха завопит свое привычное: «Обед! Обед!»

– Понял наконец? – усмехнулся Чарли. – Голодный котяра там пробудет еще не меньше получаса, можешь мне поверить. А уж по его виду явно не скажешь, что он упустит свое. Старуха кормит этих хвостатых голодранцев где-то в два часа. Так что мы успеем его поймать. Но если ты не хочешь...

– Не хочу? – удивился Томми. – Что за глупости?

– Ну, может, у тебя есть дела поважнее... – Чарли замаялся, – семейные там, дом украшать к празднику или еще что...

Томми стало неловко: он понял, что друг ему очень завидует: в семье Уиллингов никогда не шло речи ни о праздни-

ках, ни о подарках. Чарли выглядел таким несчастным, что Томми почувствовал себя действительно мерзко из-за того, что у него самого большой дом, много гостей и настоящий праздник с кучей семейных традиций и подарков.

Чарли понуро продолжал:

– Если хочешь, можем подождать до завтра, а завтра уж отправимся ловить...

– Завтра?! – возмутился Томми. – Завтра ведь уже Хэллоуин, не забыл? Завтра мы его если и найдем, то лишь в котле какой-нибудь ведьмы!

«Может, даже у нас на кухне», – вдруг подумалось Томми.

– Ну, я просто...

– К тому же это ведь кот, – веско добавил Томми. – Уж кто-кто, а он точно нас ждать не будет. И кто знает, может, старуха Роуз сама попытается его сварить – она же вылитая ведьма! Завтра будет поздно!

– Точно, – улыбнулся Чарли. – Отыщем и изловим кота с Мью-стрит. Что там у тебя с собой?

– Котлеты. Стажил с кухни. – Томми дал другу сверток, и тот спрятал его в свою сумку, которая и без того выглядела туго набитой. – Да, и еще одно, – твердо добавил он. – Отговорки не принимаются. Ты пообещаешь, что вечером пойдешь ко мне, будем встречать Хэллоуин вместе. По рукам?

– По рукам, – слишком быстро, словно только и ждал приглашения, отозвался Чарли.

Поскольку до праздника остался лишь день, город украсили так тщательно, что он стал отдаленно напоминать ярмарку. В последние дни перед Кануном Уэлихолн всегда наряжался ярче, чем перед Рождеством: Хэллоуин здесь любил больше.

Над узкими улочками висели гирлянды из рыжих фонарей-тыкв, крыши оседлали флюгеры в виде ведьм и чудовищ, а из витрин лавок скалились страшные и зачастую забавные морды диковинных тварей. Ну и, конечно же, только в этом году почти везде, за каждой витриной и даже в окнах жилых домов, можно было увидеть «Расчудесные самораскладные пугала». Это новомодное изобретение так всем понравилось, что в городе почти не осталось семей, которые не приобрели или не собирались приобрести себе парочку.

– Кристина вчера купила такое пугало, – сказал Томми, когда они свернули на Гринсфилд-стрит. – Оно довольно жуткое – мне понравилось. Нам вечером еще несколько привезут. Что может быть лучше такого пугала на Хэллоуин?!

– Не люблю хэллоуинские украшения, – проворчал Чарли. – И мама... мама их тоже не любит.

Томми догадался, что приятель так говорит потому, что у их семьи нет денег на самораскладное пугало, и ему снова стало неловко.

– Если Кристина привезет их кучу, то я обязательно стащу одно для тебя.

– Да не нужно. – Чарли отвернулся. – Правда. Мы же бу-

дем встречать праздник у тебя, ты разве забыл?

– Ничего я не забыл, и вообще... – Томми вдруг подобрался и прошептал: – Тсс! Смотри! Вон там, на подоконнике старухи Роуз!

Чарли глянул в указанном направлении и тоже заметил.

Зеленые занавески подрагивали на ветру. На окне первого этажа среди пыльных растений в горшках сидел здоровенный черный котяра и занимался тем, что активно вылизывал себе лапу. Судя по всему, старуха уже успела его как следует накормить, а учитывая характерную выпуклость на брюхе, от жадности усатый умял целую консервную банку паштета... вместе с банкой. Черный кот был очень занят и совершенно не ожидал нападения. Никаких других котов на Мясострит, как ни странно, не наблюдалось.

– Я же говорил. – Чарли тоже перешел на шепот. – Он очень прыткий. Скрылся от меня утром, но от двоих не уйдет. Ты заходи справа, а я – слева. Давай.

Но кот оказался тем еще пройдохой. Он словно намеренно дождался, пока мальчишки приблизятся настолько, чтобы попытаться его схватить...

В тот самый миг, как Томми уже потянул к коту руки, с виду ничего не подозревающий хвостатый вдруг встрепнулся и молнией бросился вниз, на брусчатку. После чего дал дереву, подгоняемый разочарованными воплями обманутых ловцов...

И так началась погоня.

Томми и Чарли бежали за котом, оставляя за спиной квартал за кварталом. А кот словно издевался над ними: время от времени то бежал быстрее, то снова замедлялся, а порой так и вовсе останавливался, оглядывался и прикидывал, куда лучше свернуть, как будто у него куча времени. Преследуя его, мальчишки пересекли целый район, незаметно для себя оказавшись на западной окраине Уэлихолна.

Это была самая мрачная и унылая часть города, и детей сюда обычно гулять не пускали. Безлюдные места, безликие стены заброшенных фабрик. Огромные кирпичные коробки выглядели понуро, железные каркасы ржавели под открытым небом, деревянные постройки разрушались, не выдерживая осенних дождей, а зимой – сугробов на крышах.

Обычно на здешних улицах было не слишком многолюдно даже днем. В основном поблизости ошивались бродяги, на которых заплат было больше, чем самой одежды, да грубые, похожие на точильные камни рабочие.

Сейчас прохожих на улице совсем не было. Как и автомобилей. Лишь сбившиеся в стаю собаки лениво лаяли вслед двум мальчишкам, с упорством, достойным лучшего применения, преследующим черного кота. А быстролапый пройдоха явно знал, что здесь его поймать будет сложнее. Должно быть, он высматривал подходящий забор, через дыру в котором можно было бы улизнуть, оставив преследователей с носом.

И вот вскоре подходящий забор нашелся: заросшая бу-

рым плющом ржавая кованая решетка тянулась на добрые три сотни ярдов по левой стороне улицы, огораживая фабричный двор и выстроенные из красного кирпича здания цехов. Вдалеке виднелись запертые наглухо такие же кованые ворота.

Беглец рванул к решетке – в одном месте она, видимо, показалась ему достаточно погнутой, чтобы протиснуться внутрь. Он сунулся было меж прутьями, но немного не рассчитал. Голова с легкостью проникла на другую сторону, но с остальным телом ему не так повезло: вероятно, кота подвела та самая банка паштета, съеденная незадолго до этого. Котья извивался и подвывал, пытаясь просунуть брюхо, и медленно, дюйм за дюймом все же пробирался между прутьями.

Томми подоспел в самый последний момент и схватил кота за хвост прямо перед тем, как тот уже протиснулся через решетку.

Пронзительный вопль пронесся по улочке:

– Мииииияяяяуууууу!

– Чарли, скорее! – Томми очень не нравилось, что приходится удерживать кота столь жестоким способом. – Хватай его за задние лапы и тащи!

– Я его держу! – подтвердил просунувший руку между железных прутьев Чарли. – Отпускай, дальше я сам!

Томми выпустил кошачий хвост, но тут случилось непредвиденное: пленник извернулся и, высунув голову обратно через решетку, впился зубами Чарли в руку. Мальчик

охнул и разжал пальцы. Черный кот моментально освободился, пронырнул между прутьями и, метнувшись через двор, скрылся в темном дверном проеме старой котельной.

– Раззява! – уничижительно бросил Томми. – Я так ловко его схватил, а ты! Упустил!

– Он меня укусил! – Чарли даже побелел от гнева. – До крови! Вот!

Он продемонстрировал другу красный след от укуса на запястье.

– Тоже мне, боевая рана, – язвительно сказал Томми. – Да от тебя даже наш Кренделек сбежит, не снимая повязки с глаз. Не то что Утопленник.

– Утопленник? – не понял Чарли. Или, как показалось его приятелю, сделал вид, что не понял. Томми был уверен: только что он держал за хвост того самого кота, которого они уже один раз заперли в ящике в погребе старой хижины.

– Конечно. Что, думал, я Утопленника не узнаю?! – накинулся он на Чарли. – Хвост облезлый, ухо порвано, глаз заплыл – это точно был он. Да и характер – один в один.

– Неправда, – как-то подозрительно сник Чарли. – Никакой это не Утопленник. Просто похож.

Тут в голову Томми пришла мысль: «А что, если Чарли специально выпустил Утопленника? Наверное, пока я болел и следил за ведьмами, Чарли было совсем одиноко. Вот он и решил выманить меня на улицу: придумал историю с новым черным котом, притащил Утопленника с собой из убежища

и оставил возле дома старухи Роуз».

Все это очень походило на правду. Конечно, друзья не должны врать друг другу (только заклятым врагам, девчонкам и взрослым), но ведь Томми на самом деле тоже был виноват – он и думать забыл и о Чарли, и о котях.

– Ладно, наверное, это все же не Утопленник, – не стал спорить Томми. – Как нам теперь его оттуда вытаскивать?

– Пойдем к воротам.

Мальчишки зашагали вдоль решетки, пиная носками башмаков опавшие листья. Было довольно холодно, жар погоны спадал, и друзья застегнули свои пальто на все пуговицы. Над их головами нависали низкие ветви разлапистых кленов, мерзнущих на осеннем ветру. В кронах во множестве сидели вороны, как всегда, громко галдящие о чем-то своем.

– А что случилось с вашим Крендельком? – спросил Чарли. – Ты сказал, у него повязка...

– Глаза у него болели – вот и возили к ветеринару, – буркнул Томми и, глянув на нахохлившуюся ворону, повернувшую к нему голову, вдруг подумал, что в последнюю неделю не видел в городе других птиц, будто все они превратились в этих самых ворон.

– Этого можно было ожидать, – с важным видом произнес Чарли, словно ему и в самом деле открылось нечто такое, что он не раз якобы предсказывал.

– Чего можно было ожидать? – тут же поддел его прия-

тель. – Что больных котов отвозят к ветеринару? Или что у котов могут болеть глаза?

– Мама говорит, что коты способны видеть такое, о чем люди даже не подозревают, – напустив в голос таинственности, сказал Чарли и вдруг остановился как вкопанный. Мальчишки как раз подошли к воротам. – Вот это да! Это что, ваша фабрика?

Поверх ворот ржавела собранная из кованых букв вывеска:

*«Свечная фабрика Кэндлов
Частное владение
Вход строго по пропускам!»*

– Я никогда здесь не был, – пораженный не меньше приятеля, отозвался Томми. – У папы когда-то была фабрика, но она разорилась давным-давно. Он никогда мне ее не показывал...

Мальчишки, не сговариваясь, заворуженно уставились сквозь прутья в решетке ворот. Огромное и хмурое здание из бурого кирпича с башенкой над главным входом застыло молчаливой громадиной в сотне ярдов от них. Большие окна цехов выглядели так, будто кто-то нарочно залил их краской. Из провалившейся в некоторых местах крыши росли просмоленные трубы, унылые и тоскливые. Черепица кровли была покрыта сажей, с которой не могли справиться даже осенние дожди. На ней шевелились какие-то черные комки. Приглядевшись, Томми различил силуэты вездесущих

ворон. Ветер не мог их согнать, хотя он и усилился – судя по флюгеру и крутящемуся на шпиле башенки доходяге-анемометру.

Бывшая фабрика Кэндлов в своем мрачном запустении ничем не отличалась от прочих местных разорившихся фабрик, но рядом с ней чувствовалось что-то по-настоящему пугающее.

– Вряд ли там кто-то есть, – пробормотал Чарли. – Раз это ваша фабрика, то почему бы нам туда не зайти?

– Не думаю, что она все еще наша, – с сомнением в голосе произнес Томми. – И вообще, от этого места веет чем-то нехорошим. Может, ну его, этого кота?

Но Чарли будто не услышал:

– Смотри-ка, со стороны улицы лежат опавшие листья, а там, за забором, – ни единого листочка. Странно, да?

– Может, их убирают? – предположил Томми.

– Это на заброшенной-то фабрике? – не поверил приятель. – И еще лужи... Их там нет совсем! Видишь, земля за оградой сухая? Вчера же шел дождь. Так быть явно не должно, верно?..

Томми пристально оглядел фабричный двор: никаких листьев, хотя деревья там росли, и никаких луж. Чарли был прав – так быть явно не должно...

«Здесь кроется какая-то тайна!» – пронеслось в голове.

– И как мы проникнем внутрь? – спросил Томми, кивнув на цепь и огромный ржавый замок, висящий на воротах. –

И вообще, если мама узнает, что мы туда забирались, она устроит целый...

– Тихо! – Чарли втянул голову в плечи и приставил палец к губам – он к чему-то прислушивался. – Слышишь? Автомобиль!

Томми тоже услышал. Хриплый рев двигателя, который сопровождался надрывным металлическим лязгом. Судя по звуку, не более чем в полусотне ярдов от них по ухабам прыгал большой и очень старый грузовик. Звук шел из-за ограды и все приближался, но при этом мальчишки никак не могли увидеть, что его издает, как ни вглядывались меж прутьями решетки. А рокот в это время двигался прямо на них...

– Скорее! Прячемся! – потянул друга за рукав Чарли.

Мальчишки укрылись за толстым стволом понурого клена и осторожно выглянули из-за него. Улица по-прежнему была пуста, а ворота фабрики – заперты. Но шум становился все громче и громче.

– Откуда же он едет?.. – испуганно пробормотал Чарли.

И тут на глазах у пораженных мальчишек прямо из створок закрытых ворот показался темно-синий грузовик.

Томми и Чарли распахнули рты так широко, что в них мог бы влезть их беглец-кот целиком. Грузовик появился будто из воздуха, с легкостью пройдя сквозь кованую решетку, как призрак – сквозь стену. Первыми выплыли радиатор, горбатый капот и две круглые фары, затем – кабина, за рулем в которой кто-то сидел. (Воротник серого водительского паль-

то был высоко поднят, а черная шляпа с широкими полями низко надвинута на глаза – и как этот тип вообще способен разглядеть, куда едет?!) Вслед за кабиной из решетки выехал кузов, крытый потертым голубым брезентом.

Грузовик появился полностью. Он вовсе не выглядел каким-то особенным – обычный старый автомобиль, из тех, что развозят по городу почту или продукты, – на дверцах белыми буквами красовалась надпись: «*Фабрика мистера Гласса*».

Водитель крутанул руль – и грузовик, выехав на улицу, прогромыхал мимо затаившихся за деревом мальчишек, направляясь в сторону центральной части города.

– Ты это видел?! – Чарли ошалело уставился вслед удаляющемуся грузовику.

– Бред какой-то, – кивнул Томми.

Друзья выбрались из укрытия и осторожно подошли к воротам. После чего, переглянувшись, одновременно прикоснулись к прутьям. Испуг мгновенно сменился разочарованием, какое бывает, когда вместо страшного-престрашного клоуна тебе дарят девчоночью куклу: ворота оказались самыми что ни на есть настоящими.

– Что будем делать? – спросил Томми.

– Этот плющ жгучий, мы так не переберемся. – Чарли кивнул на заросшую ограду. – Но вот эти деревья... – Он перевел придиричивый взгляд на клены, за одним из которых они только что прятались. – Хм... – Мальчик ухмыльнулся и вы-

разительно поглядел на друга. – Ну что, заберемся внутрь? Узнаем, что это за грузовики-призраки здесь ошиваются?

– Спрашиваешь...

Две женщины сидели в уютном салоне таксомотора, припаркованного неподалеку от главных ворот «Свечной фабрики Кэндлов». Одна из них, раздраженная и растрепанная, откинулась на спинку водительского сиденья, сжимая в зубах дымящуюся сигарету, другая – с виду вальяжная, но при этом не меньше первой недовольная всем на свете – презрительно морщила нос, хмуро глядя в окно: у ворот фабрики сейчас очень некстати крутились какие-то мальчишки.

Сзади мирно сопел шофер: никогда не спорящий мистер Эндрю слишком устал за сегодняшний день, или ему просто *так сказали...* В любом случае таксист ничего не видел и ничего не слышал – его пассажирки об этом позаботились.

– Может, хватит уже курить? – Гневно поглядела на сестру Мегана Кэндл. – Я твои сигареты терпеть не могу! Отдают жженым жиром.

– Именно поэтому я их и покупаю, – не полезла за словом в карман Рэммора Кэндл.

С самого детства все их разговоры сводились именно к этому – одна нападала, а другая парировала, чтобы тут же напасть в ответ. Сестры настолько привыкли к своим склокам и сварам, что теперь боялись признаться даже самим себе: обе они не представляли жизни друг без друга. Действи-

тельно, с кем еще можно было бы столь пламенно и без затей поругаться?

Мегана бросила злобный сощуренный взгляд на сестру. Огонек сигареты тут же погас.

– Ах ты, мерзавка! – взъярилась младшая ведьма. Она тут же высекла из пальца искру, намереваясь зажечь сигарету снова.

– Прекрати. – Мегана указала на мальчишек у ворот. – Если они нас увидят и переполошатся, Зеркало может заподозрить неладное – вдруг он как раз наблюдает. А дым от твоих проклятых сигарет нас точно выдаст!

– Я отвела им глаза, они видят только фабричную ограду, деревья и дорогу, для них здесь вовсе и не стоит никакой таксомотор с одной современной красоткой, одной толстой мегерой и ее прислугой, – возразила Рэммора, но все же демонстративно засунула сигарету в рот и с удовольствием пережевала. – Нас не увидеть...

Мегана поморщилась. Она представила, как, должно быть, странно и нелепо выглядит сейчас их укрытие. Таксомотор был невидим, но от этого он не перестал существовать. Стоят они здесь уже добрых четыре часа, караулят этого проклятого Зеркало. А листья все падают и падают на крышу машины. Она ведь говорила этой дуре, чтобы не парковалась под деревьями, но нет, куда там: «Нам нужно встать поближе, чтобы случайно его не проморгать...» Вот и выглядит сейчас таксомотор Горация Эндрю как пустота в форме ма-

шины, накрытая и обнесенная листьями. Совсем не странное зрелище, должно быть!

– Глаза она отвела. – Старшая сестра скривилась. – Уж не себе ли? Ты хоть поняла, кто там?

– Как кто? Мальчишки. Ты просто пытаешься сменить тему, только чтобы не признавать, что я сделала все как надо и...

– «Мальчишки»! – торжествующе (не всякий раз ей удалось столь легко поставить сестру на место) передразнила Мегана. – Что у тебя со зрением?! Жабью икру на глаза не накладывала? Это же надо, собственного племянника не узнать!

– Не может быть. – Рэммора подалась вперед, к пыльному лобовому стеклу. – А ведь и правда. Наш Томас собственной персоной, а с ним еще этот мерзкий дружок его. Что они тут делают?

– Как обычно, суют свой нос куда не следует. Можно превратить их в комки бумаги и зашвырнуть домой, – предложила Мегана. – Чур, я займусь его дружком, он мне никогда не нравился.

– Предлагаешь отвлечься на этих глупых мальчишек и упустить добычу? – возразила Рэммора. – Корделия с наскуру сдерет. Завтра Канун.

– А если что-то случится с ее сыном, неужто не сдерет?

– А мы-то тут при чем? – как ни в чем не бывало улыбнулась младшая сестра. – Мы ничегошеньки не знаем, ничего-

шеньки не видели.

– Странно все это, – вдруг усомнилась Мегана. – До шабаша всего сутки, нечисти много повылезало. С полсотни ведьм в городе. Надо проверить, может, это не Томас вовсе. Глаз не забыла?

– А свой достать? – проворчала Рэммора.

– Лень, – призналась Мегана. – Да и на тебя, жабу, глядеть противно. Так что доставай свой!

Младшая сестра ехидно усмехнулась.

– А я вот обожаю на тебя любоваться – так я напоминаю себе, кто ты на самом деле.

Рэммора открыла сумочку и вытащила оттуда пудреницу. Откинув крышку, она извлекла на свет склизкий кошачий глаз, после чего, крепко сжав его между кончиками пальцев, закрыла глаза, затем вновь открыла их и часто-часто заморгал.

Окружающий мир для ведьмы тут же преобразился. Она увидела то, чего на самом деле быть не могло. Вернее, то, о чем большинство людей даже не догадывались. Все предметы вокруг обладательницы колдовского взгляда вдруг стали отбрасывать противоречащие положению солнца тени, будто у каждого из них, помимо привычной формы, появилась еще одна, тайная, скрытая, подлинная...

Первым делом Рэммора посмотрела на сестру. Ее и правда всегда это забавляло. На месте красивой и статной Меганы Кэндл сейчас сидело тощее, поджавшее длинный мыши-

ный хвост существо, чьи невымытые волосы застилали глаза и набивались в рот, а нос, скрюченный, как спина дряхлой старухи, непрерывно дергался и исходил в спазмах чихания.

– Чего уставилась? – Мерзкое существо злобно открыло пасть, из которой закапала слюна. – Если хочешь знать, то ты на деле и вовсе жаба. С бородавками, выпученными глазами и парой дюжин подбородков. Мерзость мерзостью – всякий раз тошнит...

– А меня вот не тошнит, – даже не думая обижаться, ответила Рэммора. – И даже в этом я тебя переплюнула.

Ведьма перевела взгляд на улицу и фабричные ворота. Местность как перед, так и за ними также преобразилась. Деревья превратились в изувеченных старцев-калек, с изломанных и посеченных ветвей которых, точно яблоки, свисали черные птичьи тушки. Эти «птицы» лапами вращались в кору, а головами смотрели в землю, при этом они что-то пытались кричать и каркать. Некоторые впивались клювами в собратьев и рвали их, отчего черные перья непрерывно сыпались вниз на манер осенней листвы.

Фабричная ограда почти не изменилась, зато чахлый, худой плющ стал походить на жуткие волосяные заросли, ежесекундно шевелящиеся и клубящиеся. Дорога обернулась грязной каменной мостовой с огромными ямами, похожими на воронки от снарядов. А мальчишки... Томас остался самим собой – у детей подлинная сущность редко когда отличается от привычного облика. Это действительно был он.

Приятель же его, другой мальчишка, в свою очередь, оказался вовсе не тем, за кого себя выдавал...

– Интересненько, – протянула Рэммора, выпуская изо рта струю удушливого дыма. Она и не заметила, как от волнения подожгла очередную сигарету.

– Что там? – нетерпеливо спросила сестра. – Это Томас или нет?

– Томас. Очень даже Томас.

Рэммора вдруг резко повернулась к сестре, сверкнув зеленым кошачьим глазом на месте собственного левого. Она не торопилась возвращать колдовской инструмент в пудреницу и лишь поблагодарила про себя свою счастливую звезду за то, что Мегане вдруг стало лень глядеть самой. Тем, что она только что увидела, с сестрой явно не стоило делиться.

– Говорю, интересненько, что с ними сделает Зеркало, когда поймает? Гляди, наши цыплятки сами в суп лезут...

Для любого мальчишки лазание по деревьям – не просто развлечение, а насущная необходимость и очень часто даже образ жизни. А для некоторых из них, чьи мамы постоянно пропадают на работе, а на няню вечно не хватает денег, это еще и основной метод передвижения (несмотря на разодранные руки и перепачканную одежду). Ну а как еще, скажите, иначе можно проникнуть в собственное окно на втором этаже или устроиться незаметно шпионить за подозрительной миссис Торчвуд, без риска попасться в зубы ее злойшей лох-

матой псине? Да и мир с дерева кажется немножко другим... Нечего было и говорить, что оба приятеля владели подобным навыком в совершенстве.

Томми очень гордился тем, что по деревьям лазает более ловко, чем Чарли. Обнимая ногами ствол и цепляясь пальцами за выемки в выщербленной коре, он первым влез на толстый сук, что нависал как раз над решеткой. Дерево, которое они выбрали, располагалось на значительном удалении от ворот, и это было неспроста: даже самый глупый мальчишка понимает, что на чужую территорию пробираться через парадный вход опасно и неблагоразумно – там легче всего попасться. А уж ни Томми Кэндл, ни Чарли Уиллинг глупыми не были. Они знали: где ворота – там сторожка, где сторожка – там сторож и, возможно, собаки. А еще там главный выезд с территории фабрики, где могут оказаться другие способные преодолевать запертые ворота грузовики.

Осторожно хватаясь за ветви, Томми перелез через ограду и, повиснув на руках, чуть примерился и спрыгнул. Чарли все еще был на дереве и карабкался очень медленно – все-таки сумка была существенной помехой. И тем не менее вскоре и он плюхнулся на землю по ту (а теперь уже по эту) сторону ограды.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.